

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНОЛОГИЯ

Станислав Лем. Сумма технологий. Перевод с польского. Предисловие В. В. Парина. Редакция и послесловие Б. В. Бирюкова и Ф. В. Широкова. Москва, «Мир», 1968. 608 стр.

«Сумма технологий» — книга в известном смысле итоговая для Станислава Лема. Многолетние размышления польского фантаста о путях научно-технического прогресса, о его благах и опасностях, о подчас парадоксальных ситуациях, которые способны здесь возникнуть, как бы сведены в ней воедино и обобщены.

За последние годы появилось немало работ, посвященных всякого рода прогнозированию; сформировалась и выделилась даже особая научная дисциплина — футурология. «Футурология» С. Лема — особого рода. Писатель-фантаст ведет речь «не о том, что может произойти через двадцать или через сто лет, а о том, что вообще поддается воображению». О решении острейшей для современной науки проблемы безудержного роста информации (каждые 15 лет число научных журналов удваивается!) при помощи «живых молекул», которые сами будут накапливать информацию, реагируя друг с другом. О специальных устройствах, подключившись к которым человек сможет, не выходя из комнаты, пережить исполненную впечатлений жизнь. О перспективах, которые сулят человеку кибернетические чудеса, овладение тайнами генетики — все то, что С. Лем именует «технологией». Слово это польский писатель употребляет в весьма специфическом значении; оно для него включает и совокупность научно-технических открытий, и орудия труда, и общественно-производственные отношения. Говоря словами автора, это «обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом».

С. Лема, пожалуй, не слишком заботит осуществимость его предсказаний. Потомуки верней всего посмеются над наивностью многих наших нынешних фантазий. Будущее у него — скорей своеобразное зеркало, которое позволяет современности яснее увидеть самое себя.

Конечно, лемовские рассуждения, например, о возможности снять с каждого человека «поатомную опись», а затем на основе этой описи создать бесчисленное количество двойников, «передавать» человека «по телеграфу» и т. п. — занятная фантастика; но связанные с ними проблемы сохранения индивидуальности достаточно злободневны. Ведь были мы уже, например, свидетелями дискуссии о пересадке мозга. Останется ли человек с новым мозгом самим собой? И если нет, то будет ли морально оправданным такое «переконструирование» личности — даже ради спасения человеческой жизни? Здесь невольно вспоминается остроумный рассказ С. Лема «Существуете ли вы, мистер Джонс?» — об автогонщике, которому

кибернетическая компания после каждой очередной аварии заменяла поврежденные части и органы тела искусственными протезами — от ног и сердца до мозга, — а в конце концов предьявила на него иск как на свою собственность.

Научная фантастика нередко оказывает своего рода лабораторией, где возможности, принципиально наметившиеся сегодня, доводятся до логической крайности, до парадокса — предупреждая творцов науки о всей глубине ответственности за дело рук своих.

С. Лем специально не обсуждает социальных аспектов будущего. Он ограничивает себя сравнительно узкими рамками «технологии»; однако сама «технология» в его понимании неотделима от общественных отношений. «Технология... не безлюдна, она составляет законченное целое, только «дополненная человечеством».

Показателен в этом смысле раздел «О морали гомеостатов». С. Лем показывает, как богатая идея кибернетической организации производства способна обернуться абсурдом, если порочна социальная модель общества. Писатель рисует впечатляющую картину разрушительной, хищнической конкуренции кибернетических предприятий, запрограммированных по капиталистическому образцу.

Схожая мысль звучит и в главе «Пасквиль на эволюцию». С. Лем показывает, как «технология», способная беспредельно облегчить человеку жизнь, умножить возможности его организма, усилить интеллект, при антигуманном социально-общественном устройстве грозит привести к атрофии ценностей, «обмену ценностей на выгоды», когда в «аптеке» будущего можно будет получить «знания без учения, мистические состояния без веры и наслаждения без угрызений совести».

Конечно, мысль человеческую остановить невозможно; нельзя притормозить рост научных исследований, отменить, запретить, не внедрять те или иные открытия или изобретения. С. Лем вовсе не делает отсюда вывода о фатальности хода событий. Он пишет об оптимизме «Суммы технологий», противопоставляя ее книгам-апокалипсисам, которые «разворачивают перед читателями богатый ассортимент всевозможных «концов света» (в качестве примера С. Лем приводит произведения американского ученого Г. Кана и прежде всего его «Термоядерную войну»). Все дело в том, «кто кем повелевает. Технология нами или мы ею? Она ли ведет нас куда ей вздумается, хоть бы и навстречу гибели, или же мы можем заставить ее покориться нашим стремлениям?»

Один из нобелевских лауреатов, удостоенный премии за изучение наследственности, заявил, что он не хотел бы дожить до практической реализации некоторых генетических открытий, «ввиду ужасной ответственности, какую примет на себя человек». Приводя его слова, С. Лем объявляет эту точку зрения (характерную для многих

западных интеллектуалов), «недостойной ученого». «Нельзя одновременно делать открытия и стараться уйти от ответственности за их последствия. Результаты такого поведения, хотя и в других, не биологических областях, нам известны. Они плачевны».

Любой уход от решения реальных проблем, стоящих перед миллионами людей, оборачивается интеллектуальным дезертирством. Он означает, по существу, равнодушие к человеческим судьбам, к судьбам общества, разрыв связей между людьми. Не бегство от «технологии», не запрещение или игнорирование ее, а поиски социальных путей разумного ее регулирования — вот перспектива.

Обращаясь к современникам, С. Лем призывает каждого полнее осознать свою ответственность перед будущим. Этим пафосом ответственности проникнута вся книга, лейтмотив которой сам писатель обозначил исполненными оптимизма словами: «Догнать и перегнать природу!». Постоянно приобщая нас к своим размышлениям, он даже в тех случаях, когда нам бывает трудно согласиться с ним, дает мысли плодотворный толчок.

МАРК ХАРИТОНОВ

СТАРИННАЯ ВЬЕТНАМСКАЯ ПРОЗА

Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Перевод с вьетнамского и подстрочные переводы стихов М. Ткачева. После­словие Б. Рифтина. Комментарии Д. Деопика, Б. Рифтина, М. Ткачева. Стихи в переводе Ал. Ревича. Серия «Классическая проза Востока». Москва, «Художественная литература», 1969. 255 стр.

С начала — стихи и проза, привлекающие искренностью, душевной чистотой и остротой драматических коллизий, которыми столь богата история мужественного и многострадального Вьетнама последних десятилетий; позднее — также и классическая поэзия, углубляющая наши представления о древней и утонченной культуре этого народа; и вот наконец встреча с вьетнамской старинной прозой — таков, коротко, путь знакомства советского читателя с вьетнамской литературой за последние годы.

Двести лет развития прозы обнимает эта книга, а о том, что они значили для литературы Вьетнама, хорошо говорит Б. Рифтин в своем послесловии: «От того времени, когда королевский сановник Ли Те Сюйен составил «Собрание чудес и таинств земли Виет», до появления сборника, откуда взята новелла о демонах ночи, завершающая книгу, прошло двести лет.

Двести лет — много это или мало для развития литературы или отдельного ее жанра? Иногда очень много, например,

для Европы нового времени, а иногда — в средние века, бурные событиями, так сказать, количественного характера, но медленные в своем качественном продвижении, два века не столь уж заметны в истории литературы. Во Вьетнаме этих двухсот лет (начало XIV в. — начало XVI в.) оказалось достаточно, чтобы сформировался жанр литературной новеллы».

Неторопливо, с деловитой простотой и с сознанием важности сообщаемого ведет повествование, похожее на летописное, смотритель королевских книгохранилищ Ли Те Сюйен, составитель «Собрания чудес и таинств земли Виет» (XIV в.), его привлекают предания, храмовые легенды, которые он обрабатывает по своему усмотрению, сам того не ведая, конечно, что закладывает основы вьетнамской художественной прозы.

Книга переводов открывается рассказом, взятым из этого «Собрания», о «высокородных и победоносных воительницах Чынг», которые в I в. до н. э. возглавили восстание против владычества китайских императоров дома Хань. Сестрам Чынг не при­ходилось подобно Жанне Д'Арк рядиться в мужские одежды: Индокитай является как бы классической областью матриархальных обычаев. Эпические сказания народа эдэ, живущего в Южном Вьетнаме, хранят, например, воспоминания о том, как мужчи­на-богатырь восстает против написанных матриархальных законов, но, увы, это кончается для него гибелью. Другой излюбленный и впечатляющий женский образ вьетнамской истории и фольклора вьетнамцев — воительница III в. н. э. Чьеу, которая неслась в бой, сидя на голове разъяренного слона.

Летописная манера уступает место некоторой цветистости стиля, когда Ли Те Сюйен во второй части своего рассказа заводит речь о чудесах, творимых воительницами после смерти (сестры превращаются в Подательниц дождя, являются государю во сне), о храме их поминовения, о титулах, почтительно пожалованных им.

СРЕДИ КНИГ